

КЛИМОВА Е.В.

УЧЕНИК И УЧИТЕЛЬ? ЕЩЕ РАЗ О ПЕРЕПИСКЕ Н.ГУМИЛЕВА И В.БРЮСОВА

Если бы мы писали до Р. Х., я сказал бы Вам: Учитель, отделись со мной мудростью, дарованной тебе богами, которую ты не имеешь права скрывать от учеников.

В средние века я сказал бы: Maître, научи меня дивному искусству песнопения, которым ты владеешь в таком совершенстве.

Теперь я Могу сказать только: Валерий Яковлевич, не прекращайте переписки со мной...

Н. Гумилев – В. Брюсову, письмо от 15.07.1907г.

Эпистолярное наследие Николая Гумилева невелико. Письма к матери остались и пропали в Бежецке после переезда семьи; к Анне Ахматовой, написанные до женитьбы, были сожжены сразу же после свадьбы. Однако переписка с В.Я.Брюсовым уцелела и занимает особое место.

В 1906 году Брюсов написал Гумилеву после своей рецензии на "Путь конквистадора" и пригласил его участвовать в "Весах", на что молодой поэт ответил с искренней благостностью. С этого момента они регулярно обменивались корреспонденцией в течение 6 лет, т.е. до 1912 года. В архиве В. Брюсова хранятся 67 писем Гумилева. 7 из них относятся к 1906 году, 19 - к 1907, 22 - к 1908; 18 написаны в период между 1909 и 1912 годами. Последнее, 67-е, написанное в 1920 году, стоит особняком не только по датировке, но и по своей замкнутости и отчужденности.

Эти письма дают уникальную возможность взглянуть на молодого поэта его собственными глазами, увидеть его суть, а не те маски конквистадора и эстета, за которыми он прятал свой истинный внутренний мир, не то, что он был готов показать всем, а то, чем он жил. Мы можем наблюдать также его становление как поэта и критика. Это почти дневниковые записи (напомним, что никаких дневников Гумилева, кроме Африканского и "Записок кавалериста", являющихся художественными произведениями, - нет.)

Характер писем частично деловой: Брюсов определяет стихи молодого автора в разные журналы, прежде всего в "Весы", также в "Золотое руно", "Солнечное утро", "Голос Москвы" и др. Это было очень важно для Гумилева, т.к. в то время, в 1906 году, ему уже год не удается ни с кем поговорить, как хотелось бы..." [1, с.158]. Участие Брюсова - "единственный козырь в <...> борьбе за собственный талант" [1, с.158] К этому времени он "... никогда в жизни не видел даже ни одного поэта новой школы или хоть сколько-нибудь причастного к ней" [1, с.161] и не слышал о своих стихах "...мненья человека, которого, <...> мог бы найти компетентным" [1, с.161].

Итак, Брюсов был "единственным человеком в России, интересующимся" стихами Гумилева [1, с.164]. В руки этого человека молодой поэт отдает развитие своего таланта [см:1, с. 160] и говорит при этом: "Верьте, что моя просьба об этих указаниях вызвана не тщеславным желанием получить от Вас советы, а только любовью к искусству, которому я посвящаю свою жизнь" [1, с. 198].

Чему же он хочет учиться? Прежде всего его "мучает <...> несовершенство в технике стиха" [1, с. 168]. Гумилев усердно вчитывается в стихи своего учителя, его письма, и горизонты "начинают проясняться", он "начинает понимать, что ему надо делать, чтобы стать поэтом" [1, с. 168]. "Очень; очень благодарю Вас за Ваши письма, особенно за первое с рассуждениями о рифмах и размерах. Оно сказало мне то, что я и раньше чувствовал, но не мог принять на деле" [1, с. 164]. Он "...начал упиваться новыми, но безукоризненными рифмами..." [1, с.159],

идет дальше, рассматривая их внутреннюю структуру, "в удлинении гласных и отчеканивании согласных" [1, с. 160], пытается писать по этим законам, извлекая их также из статей Брюсова "Краткий очерк законов русского стиха", "Краткий курс науки о стихе", "Опыты по метрике и ритмике, по эвфонии, созвучиям и формам".

Но не только о форме выспрашивает начинающий maître'a, а также о содержании, образах, настроениях и идеях: "Меня страшно интересует вопрос, какие образы показались Вам, по Вашему выражению, "действительно удачными..." [1, с.160], "...я стараюсь расширять мир моих образов и в то же время и в то же время конкретизировать его..." [1, с.208].

И чуть ли не в каждом письме Гумилев говорит, что сознает, как много ему еще надо учиться, что все его успехи – благодаря Брюсову, что хочет показать, "что не напрасно Вы оказали мне честь, признав меня своим учеником" [1, с.208].

Однако, несмотря на все это, он позволяет себе сомневаться, высказывать собственное мнение: "стихотворение, которое мне кажется у него [Вячеслава Иванова. - Е.К.] лучшим, написано обыкновенным размером" [1, с. 160], тогда как Брюсов советует учиться "разнообразию и своеобразием" размеров именно у Вячеслава Иванова. "Где же новизна рифм, обдуманность сравнений и умелая расстановка слов, о которых я читал, в Вашей рецензии?.." [1, с. 175] – по поводу стихов С. Соловьева.

Почти в каждом письме, посылая стихи Брюсову, Гумилев пишет, что "не способен без посторонней помощи судить свои стихи" [1, с.188], "решительно не способен отдать себе отчет в достоинствах или недостатках своих стихов прежде, чем услышит чье-нибудь мнение о них" [1, с. 174]. Все же критерий оценки существует; "Я пробовал писать рассказ <...> и не покраснел, и не почувствовал жгучей ненависти к себе" [1, с.182], "просто мечтаю и хочу уметь писать стихи, каждая строчка которых заставляет бледнеть щеки и гореть глаза..." [1, с. 169]. Это потом будут схемы-таблицы рифм, суждения о стихах непременно с "придаточными предложениями", теория поэзии, упреки в формализме и отсутствии вдохновения... А сейчас – то зерно, которое легло в основу, обросло множеством разных идей, стало его теорией...

Несмотря на все технические разборы и упражнения Гумилев вдруг пишет: "...Мне кажется, что я уже накануне просветления, что вот-вот рухнет стена и я пойму, именно пойму, а не научусь, как надо писать..." [1, с. 168]. Наступило это просветление или нет - в письмах ничего об этом не сказано, но Поэтом он стал.

В своих диалогах учитель и ученик карались не только размерами и рифмами, но и внутренним миром, впечатлениями: "Прежде всего спешу ответить на Ваш вопрос о влиянии Парижа на мой внутренний мир, - пишет Гумилев, - ..он дал мне сознание глубины и серьезности самых мелких вещей, самых коротких настроений..." [1, с. 162]. "Пишу мало, читаю еще меньше. Часто хожу в Jardin des Plants и там кормлю хлебом тибетских медведей. Кажется, они уже узнают меня" [1, с. 183]. "В жизни бывают периоды, когда утрачивается сознание последовательности и цели, когда невозможно представить себе своего "завтра" и когда все кажется странным, но пожалуй даже упоительным сном..." [1, с.171]. Многие молодые люди переживает подобное, но далеко не все способны следовать по намеченному пути так целенаправленно и упорно.

В то же время Гумилев пытается завязать новые литературные знакомства. Одна из таких попыток – нелудавшийся визит к Мережковским, на который Гумилев жалуется в одном из своих писем [см. 1; с. 165]. Благодаря этому рассказу и возмущенной отповеди З. Гиппиус тому же Брюсову мы видим происшедшее с двух сторон и "старые символисты" при этом не выигрывают.

Упоминает он также и свои путешествия в Смирну и Константинополь в 1907 году [см.:1,с.170], в Египет в 1908 году [см.: 1, с.200] и в Абиссинию в 1909 году [см.: 1,с.206].

Ирония и даже самоирония сквозит в обменах впечатлениями с Учителем:

"Ваш ответ поможет мне, наконец, разобраться в том, как мне надо писать стихотворения, до сих пор я понял только, как мне не надо их писать" [1, с. 173].

"...до сих пор большинство моих критиков, почти всех благосклонных, только указывало на мои недостатки, так что если я захочу послушаться всех сразу, мне придется вовсе бросить писать стихи" [1, с.187].

"Заранее благодарю Вас за все места для моих вещей [стихов. -Е.К.], даже за пылающую печь" [1, с. 185].

"Если меня не съедят, я вернусь в конце января (о поездке в Африку) [1, с. 206].

(Стоит вспомнить, что ирония была неотъемлемой чертой Гумилева. Из-за этого и сборник 1908 года был назван "Романтические цветы". В письме к Анненскому, откликаясь на его слова об экзотической иронии сборника и то, что он был назван Анархасисом XX века, Гумилев писал: "...я хочу особенно поблагодарить Вас за лестный отзыв об "Озере Чад", моем любимом стихотворении. Из всех Людей, которых я знаю, только Вы увидели в нем самую суть, ту *иронию* которая составляет сущность романтизма и в значительной степени обусловила название всей книги" [1, с.222].)

Вчитываясь в строки, адресованные Брюсову, мы можем также проследить путь к "Письмам о русской поэзии", путь Гумилева-поэта к Гумилеву-критику и учителю. (Нужно отметить, что самые первые шаги к анализу литературных произведений относятся к детству, когда двенадцатилетний Коля делал для отца обзоры вышедших книг.)

Тот факт, что молодой человек, пишущий стихи, не только слепо повинуетесь указаниям Брюсова, а сам анализирует, вникает, спорит с собой и учителем, говорить начале этого пути. Мы видим; что первые попытки выразить свои мысли в статьях -это "Костюм будущего", "Защита чести" и "Культура любви" [1, с. 161]. Да и следующие по времени заметки - о выставках и художественных салонах. Но Гумилев очень серьезно относится к своим статьям: "...мне казалось, что лучше отказаться, чем, брать работу, не соответствующую моим силам" [1, с. 162]. (На предложение написать статью о выставке Дягилева.) Он тщательно готовится к последующим работам: "...за последнее время я много занимался теорией живописи, а отчасти и театра, читал, посещал выставки и говорил с артистами..." [1, с.184]. Но Брюсову он пишет и о своих впечатлениях о поэтических сборниках. "Теперь относительно поэтов: насколько мне понравились... В.Гофман и Садовский, особенно последний, настолько меня неприятно удивили Соловьев и Тарасов. О Соловьеве, конечно, не мне писать. Соловьев крайне неотчетлив, его мысли и образы напоминают шепелявящих детей. ..." [1, с. 175], "...огорчило присутствие в книге ["Земная ось" Брюсова. – Е.К.] "Мраморной Головки". Зачем и как попал этот недурной рассказ в книгу, составленную из жемчужин, более или менее чистых, но всегда настоящих" [1, с. 167]. В этих отрывках уже заметен стиль автора "Писем о русской поэзии", его строгость и ирония, использование сравнений.

Он многому научился, многое понял, даже "составил себе забавную теорию поэзии, нечто вроде Mallarme, только - не идеалистическую, а романтическую..." [1, с. 188], стремясь, вероятно, к стройности и ясности,

разложил добытые знания по полочкам. Наверное, уже тогда целью его набросков, рецензий, статей было "формирование нового читателя". (Позднее, в 1920 году, Одоевцева говорила, что это было его давнишней мечтой.)

В марте 1908 года Гумилев понимает, что больше находиться в уединении нельзя. Тогда же он пишет: "Моим мыслям о поэтическом творчестве пока было бы удобнее всего вылиться в рецензии" [1, с. 192], тем самым делая не только решительный шаг к пути литературного критика, но и намекая на возможность других форм для выражения своих концепций. Результатом движения по этому пути стал его неоконченный труд, "Теория интегральной поэтики".

Хотя, помня о том, что, Гумилев всегда рассчитывал свои силы и не брался за неисполнимые задачи, можно с уверенностью утверждать, что его мыслей уже тогда хватило бы на собственную теорию поэзии. Уже тогда, в марте 1908 года, у него была своя цельная теория, свое представление о том, как надо писать стихи.

В апреле того же 1908 года, как вспоминает Н. Волковыский, "никому неизвестный молодой челонок пришёл в редакцию газеты "Речь" и вручил редактору литературную заметку..." [цит. по: 2, с.430].

Начиная с первой рецензии он разбирает идею стиха, его построение, размер, равновесие частей. Мы видим перед собой уверенного человека с полностью сформировавшимся мировоззрением, глубокого аналитика. Трудно поверить, что год назад он определял себя как молодого поэта, "который еще не имеет установившихся взглядов на искусство и каждую минуту может потерять веру в себя" [1, с. 171].

Интересно то, что вторая рецензия молодого критика (Гумилеву было всего 22 года) – на "Пути и перепутья" Брюсова (24.05. 1908 г.). Она достаточно объективна, и по ней невозможно догадаться, что автор считает, себя учеником того, о ком он пишет. Скорее всего, формирование Гумилева-критика, его теорий о поэзии проходило вне прямого влияния Брюсова, а переписка и ученичество только подтолкнули его, придали уверенности в себе: "...все в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов". Это была одна из сокровеннейших мыслей моих, но я боялся оформить ее даже для себя и считал ее преувеличенным парадоксом" [1, с.191]

Итак, возвращение в Россию и "перелом во взгляде на творчество..." [1, с.,198]. Анализируя себя и Учителя, Гумилев понимает, что пути их различны: "В Париже я слишком много жил и работал и слишком мало думал. В России наоборот: я научился судить и сравнивать. Не думайте, что я соблазнился ересью Вяч.Иванова, Блока или других. По-прежнему я люблю и ценю больше всего путь, указанный для искусства Вами. Но я увидел, как далеко стою я от этого пути" [1, с. 198]. С этого момента начинается его постепенный, но неуклонный отход от Брюсова, взаимное охлаждение: со стороны Учителя, вероятно, по причине дружбы Гумилева с Вяч.Ивановым, к которому Брюсов относился весьма сдержанно, не разделяя его точки зрения на поэзию. А молодой поэт заводит новые знакомства, учится, впитывает впечатления, не забывая, однако, снова и снова заверять в верности своего адресата.

"Недавно мне передавали, что Вяч.Иванов недоволен моими стихами и находит, что в них чувствуется Ваше влияние. При встрече я искренне поблагодарю его за это мнение. Я не воспринял от Вас еще и четверти того, что мне надо..." [1, с.196].

Гумилев посещает "башню" Вяч.Иванова, слушает его лекции и только после них "начинает понимать, что такое стих" [1, с.204]. Заметим, что ни разу по поводу писем Брюсова он не делал такого заявления.

Первое упоминание о посещении "сред" находим в письме от 30.11.1908 г., там же: "Вячеслав Иванович вчера сказал мне много нового и интересного, но учитель мой -Вы и мне не надо другого..." [1, с. 200], - наличие такой фразы говорит не о чем ином, как о попытке оправдания. И хотя 26.02.1909г. Гумилев пишет, что в дионисианскую ересь он не совратился, а в конце этого же года тот же Вячеслав Иванов называет его оруженосцем Брюсова, молодой поэт "весь устремлен к чему-то новому" [1, с.207].

Письма становятся все более деловыми и редкими. Уже не только Брюсов просит стихи у Гумилева для журналов, но и Гумилев -стихи и рецензии Брюсова для "Аполлона". Гумилев нашел свой путь в литературе, создал свое направление, акмеизм, дедушкой которого он шутя называл Брюсова в одном из последних писем. Но "дедушка" не очень-то благосклонен к своему "внуку", расстроив все надежды Гумилева на поддержку. Теплые, дружеские отношения между ними прекращаются сами собой... Гумилев "хотел бы о многом рассказать, но не может в последнее время писать прозой" [1, с.214]. Переписка обрывается.

Последнее,67-е письмо нельзя ставить в один ряд со всеми остальными. Оно носит деловой характер с еле заметным намеком на прежние отношения.

Стоит, однако, заметить, что Гумилев никогда не отзывался о Брюсове кроме как с огромным уважением и любовью. За что его не раз критиковали, считая, что он попросту необоснованно превозносит Брюсова, а позже и вовсе считали его вечным учеником последнего. По этому поводу можно лишь сослаться на многочисленные свидетельства современников Гумилева о его беспристрастности и честности как критика. Второе же утверждение не совсем справедливо даже для периода 1906 – 1912гг. Хотя некоторые строки Брюсова "как составная часть вошли не в мирозерцание <...>, но в формулировку смутных желаний <...> астрального тела и, следовательно, в <...>истинную личность Николая Гумилева, его творчество сложно разобрать на составные части, четко определить, чему у кого он научился, что у кого позаимствовал. Впечатления, мысли, идеи переплавились в его творчестве в единое целое, хотя и состоящее из мелких кусочков, как мозаика, как витраж. Отдельные элементы что-то напоминают, но общая картина

оригинальна, самобытна, непохожа ни на что, известное ранее. А это и есть признак если не Гения, то Таланта, а в данном случае еще Поэта и Мастера.

Цитированная литература:

1. Гумилев Н.С. В огненном столпе. – М.,1991.
2. Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. – М., 1991. -Т.3.